

Ольга Яблонская

Во главе

– Не давай рэбьёнок голова, там мозги несвежее!

– Обалдел, што ль? Хошь, штоб подавился?!

У бабы Дины и няни Васёны было по-разному неважно с литературным русским, но считали, что деликатесы вроде мозговых косточек или рыбьих голов должны подаваться главному в семье мужчине, сидевшему в торце стола.

Баба Дина купила стол в дореволюционной Одессе подержанным. Дубовый, с наборной столешницей и фигурными массивными ножками в виде львиных лап, почему-то украшенных виноградными гроздьями. В сложенном виде за него усядутся восьмеро, в разложенном – все двадцать.

Брат знал его с младенчества, помнил на почетном месте деда Нахмана.

Мне было девятнадцать, когда в результате сложной и драматической динамики жизни стол достался нам с родителями, и тридцать шесть, когда их не стало.

Брат приходил в гости, ворчал:

– Смертное место. Сперва дед здесь сидел, потом отец, теперь, значит, я...

Улыбалась: любимый, у тебя профессиональная деформация, вы, археологи, слишком много возитесь с погребениями. Хочешь, сама там сяду?

– Сиди, где сидишь, – отвечал брат сварливо, – мое теперь место, пока жив.

– Живи сто лет, – смеялась я, нисколько не думая, как скоро место в торце перестанет быть ритуально значимым. За старшего теперь я. Рыбьи головы и мозговые косточки давно не подают даже патриархам: полуфабрикаты кругом.